

Понимание личности: Аверинцев, Библер, Гефтер, Библихин

Неретина С. С.,

доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник Института философии РАН,
abaelardus@mail.ru

Аннотация: Проблема личности в философии значима с возникновения христианства. В советской России эта проблема актуализируется со второй половины XX в., со времени «оттепели», когда стали известны книги русских религиозных философов. Мы явились своеобразными наследниками христианской онтологии и этики, предполагавшей, что личное обращение к Богу на «Ты» свидетельствовало о перемене мест в интерьере самого бытия, которое становится интимным, близким, ибо бесконечный Бог, находясь в человеке, делает и его такой же бесконечной персоной.

Латинский термин «*persona*» обычно переводят как «маска» (личность). Физическое лицо при таком понимании — изнанка персоны. В. В. Виноградов в «Истории слов» говорит, что слово «личность», связанное с латинскими и греческими значениями, в древнерусском языке до XVII в. массово не употреблялось, а в XVII и XVIII вв. стало обозначать лишь официальное положение лица. Связывать это значение лица с тем, что было в античности и средневековье, нельзя. Это омоним.

В статье проводится анализ разных позиций по этой проблеме четырех мыслителей: С. С. Аверинцева, В. С. Библера, размышлявших в 1970-е годы, и М. Я. Гефтера и В. В. Библихина, писавших двадцатью годами позже.

Аверинцев полагает, что в древнегреческой «литературе» термин «*пойесис*», с которым обычно связывают творчество, означал дело, понятое как изобретение. Греки изобрели объективированный тип коммуникации-через-литературу, т. е. диалог, сознательно отделенный от жизненного общения. Диалог как изобретение выявил коренную недиалогичность греческой литературы, а Сократ — это идеал радикально *недиалогического* человека, который не может быть внутренне задет словом собеседника. Потому личность для Аверинцева — это ум, свободный от «диалогической ситуации», это маска, индивид, понятый как эйдос. Именно маска — «неподвижно-четкая, до конца выявленная и явленная» есть смысловой предел непрерывно-выявляющегося лица. Открыв «маску», греки подчеркнули значение индивидуальности.

В. С. Библер, критикуя Аверинцева, утверждает, что диалог — не конструкция, это внутренний спор философа, происходящий в его собственной душе. Он в самой мысли, доводящей до предела свои определения и выходящей на границу других возможных определений, понятий, пониманий. По Библеру, диалогична сама мысль, внутри себя общающаяся с собой и образующая зазор между собой и другим «я». При этом Библер определяет свою философию как философию вечно пограничной культуры. *Диалог* — это

содружество *автора*, творившего в прошлой культуре, и *читателя*, живущего в современной культуре. Личность для Библера есть предельное воплощение индивидуального — ход, обратный Аверинцеву.

М. Я. Гефтер, основываясь на немотивированном появлении *homo sapiens* и необъяснимом появлении речи, подчеркивал, что речь сняла предел понимания между людьми. С этим связана и его опора на понятие Мира миров и определение личности, которая, на его взгляд, не надстроенная над индивидом высшая форма, а более позднее явление, вступившее с индивидуацией в спор. Личность — это выбор, форма преодоления себя с выходом к чужим, случай.

Бибихин, не соглашаясь с теоретическими положениями Аверинцева и Библера, оказывается ближе к Гефтеру. Он исходит не из развития индивида или личности, сменив аспект рассуждений. Он поставил проблему цельности человека, который изначально имеет дело не со знанием, а с бытием и небытием. Прежде знания есть утверждение и отрицание, которые звучат в говорящем молчании до всякой речи и толкают человека на поступок. Человек (не индивид и не личность) начинается с поступка; он и есть прежде всего такой поступок. Отличие подхода Бибихина от Аверинцева и Библера заключается в его понимании философии как вневременной. Для него все известное — Мир. Личностными свойствами (*prosopon*) обладает только Бог, который «персонален» и «ипостасен», ибо выражает энергию. Эта проблема действия энергийного Слова — важнейший свидетель мира, данного через человека и опознаваемого через язык. Язык ставит проблему понимания, предполагая исходную непонятость между людьми.

Ключевые слова: личность, история, культура, литература, словесность, маска, изобретение, диалог, энергия, язык.

Проблема личности в философии очень значима. Ушедшая было в 1980-е — 1990-е, она сейчас снова, в связи с военной необходимостью, превращающей человека в сатанинско-скоморошеское отродье, подняла голову. А во второй половине XX в., когда отворилась форточка, куда влетели новые знания, повеяло свободой, стали внимательно относиться к религии, где эта проблема была очень важной, мгновенно возникло множество теорий, об их истории стали выходить книги, а уж когда свершилась перестройка, в свободном обращении стали книги Бердяева, Лосского, Карсавина и др., когда вообще стала возможна философия (не марксистско-ленинская идеология) с ее субъектной проблематикой, то проблема личности явилась как нельзя более актуальной. Я обращаюсь сейчас к произведениям С. С. Аверинцева, В. С. Библера, М. Я. Гефтера и В. В. Бибихина как к близким по духу, но в принципе кто в то время этой проблемой не занимался? Ф. Т. Михайлов, М. К. Петров, в психологии — С. Л. Рубинштейн, в социологии — И. С. Кон, в этнологии, антропологии — Ю. И. Семенов. Это малый перечень...

Что значит «личность»: Виноградов

Но зачем вообще нужно это понятие «личность»? Почему недостаточно одного понятия «индивид»-неделимый. Что может быть больше? В каком-то смысле никто не оспаривал этого права. Но: мы явились наследниками христианской онтологии и этики, где эта проблема была одной из главных. Личное обращение к Богу Высочайшему, Величайшему, но Неведомому, на «Ты» свидетельствовало о перемене мест в интерьере не только личных местоимений, но в самом бытии, которое становится интимным и близким, ибо Всесильный и Бесконечный Бог нашел во мне себе место. Говорилось не о ком-то (о чём-то), что вполне могло быть простым и индивидуальным (лошадь, бежит), даже не просто о ком-то (о чём-то) конкретном, а о том, что имеет ко мне непосредственное отношение, с кем я могу разговаривать не чинясь, могу открыть любой секрет, даже государственный, и при этом прекрасно понимать, что могу изменить и измениться при любом малейшем дуновении воздуха, **звучании**. Не при произнесении **имени** (самое короткое, оно все равно состоит из звуков, которые при произнесении могут менять значения), а именно **звука**, еще точнее **интонированного** звука — **голоса**. Голос в разговоре предполагает высоту или басы, громкость и тишину, но не шум. Персона-маска — то, что меняет голос (я всегда как бы не от себя говорю, а от всезнающего), и то, что при любом раскладе — не я. В христианстве искали неведомого Бога, а значит — и невидимого. Бог, если кому и являлся, — то в облаке, то в славе, то как Слово, то как Книга. Это и есть маски-персоны, которые словно надевает Бог.

Но почему это лицо — личность? Обычно, когда говорят о личности, говорят о внутреннем своем, которое движет поступками и в поступках выражается.

Вообще, почему речь о лице, для которого есть и другое имя — **facies**. Но **facies** одного корня с **facio** — «делаю», т. е. речь о сделанном — материально, телесно. Это внешний вид; этого же корня слова «эффект» (от **efficio**), «аффект» (от **afficio**), «красота» (**perfectus**), «недостаток» (**дефект**), т. е. то, что можно выразить, углядеть, совершить или ощутить нехватку. Казалось бы, латинский термин **persona** можно переводить как «лицо», имея в виду надетую маску, т. е. лицо, но **не свое** лицо. Но мы говорим не «лицо», а «личность», потому надо понять истоки этого термина.

В. В. Виноградов в «Истории слов»¹ говорил о личности, что само это слово, связанное с латинскими *persona* и *individuum*, с греческими *πρόσωπον* и *ἄτομον*, в древнерусском языке до XVII в. не употреблялось. «В системе древнерусского мировоззрения признаки отдельного человека определялись его отношением к богу, **общине или миру**, к разным слоям общества, к власти, государству и родине, родной земле с иных точек зрения и выражались в других терминах и понятиях. Конечно, некоторые признаки личности... выражались в других терминах и понятиях», хотя и единичность, обособленность или отдельность были очевидны и для сознания древнерусского человека. «Но, — продолжает Виноградов, — они были рассеяны по разным обозначениям и характеристикам **человека, человеческой особи** (*человек, людие, ср. людин, лице, душа, существо* и некоторые другие). Общественному

---

¹ Виноградов В. В. История слов: Ок. 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связ. / Рос. акад. наук. Отделение лит. и яз. Науч. совет "Рус. яз.". Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — М., 1999. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istorija-slov/> (дата обращения 01.10.2021).

и художественному сознанию древнерусского человека до XVII в. было чуждо понятие о единичной конкретной личности, индивидуальности, о самосознании, об отдельном человеческом «я» как носителе социальных и субъективных признаков и свойств (ср. отсутствие в древнерусской литературе жанра автобиографии, повести о самом себе, приемы портрета и т. п.)». В русском литературном языке XVIII в. слово *личность* употреблялось в значениях, передающих личные свойства кого-нибудь, особенность, свойственную какому-нибудь лицу, существу (ср. в языке Тредиаковского).

Это замечание Виноградова важно (ниже мы это обнаружим) для понимания позиции Бибахина, ориентированного на Мир и целостность человека. И ориентированного на, грубо говоря, современность, в которую вводил всю философию, всю ее считая современной. Этим, пожалуй, уже высказан (пока), на мой взгляд, основной его философский замысел.

Виноградов в перечне особенностей личности продолжает настаивать на том, что «развитие и дифференциация тех признаков и представлений, которые в начале XIX в. нашли выражение в слове *личность*, в русском литературном языке XVII и XVIII вв. не имели концентрированного и адекватного выражения в каком-нибудь одном слове, одном термине. Слова *персона* и *особа*, вошедшие в русский литературный язык XVI–XVII вв., не обозначали индивидуального строя и внутренних, моральных прав и склонностей человеческой особи. Они выражали лишь официальное положение лица, его общественно-политическую или государственную неприкосновенность и важность», и, следовательно, связывать их значения с теми, которые они имели в Античности и Средневековье, это просто **незнание** предмета. «Сервиз на 12 персон» (я помню, именно этот сервиз послужил «весомым» опровержением моей позиции в споре о личности в 1990-е годы²) к бозциевой персоне отношения не имел, как и само бозциево слово «персона» не было связано ни с какими высокими качествами индивида — оно было связано с его «особенностью».

«Слово *личность*, — продолжает Виноградов, — образовано как отвлеченное существительное к имени прилагательному личный, обозначающему: 'принадлежащий, свойственный какому-нибудь лицу'. Это слово сформировалось не ранее второй половины XVII в.». Об одном из его значений в русском литературном языке XVIII в. мы упомянули выше, другие таковы:

- «привязанность, пристрастие, любовь к себе, самость, эгоизм;
- отношение к физическому или социальному лицу;
- личное пристрастие к кому-нибудь;
- оскорбительный намек на какое-нибудь лицо».

Это значит, что связь этого слова «личность» с «лицом» как частью человеческой организации весьма приблизительна, употребляется по смежности. И мы неверно

---

² Любопытно, как один из современных медиевистов, О. С. Воскобойников, не вдаваясь в суть дела, сразу и безоговорочно согласился с моим оппонентом, заодно прищучив и за другую, не совершенную, но приписанную мне ошибку, сославшись якобы на мой перевод книги Э. Жильсона «Философия в средние века. От IV века до XIV века» — см. его дисс. на соиск. ученой степени доктора исторических наук «Scientia naturalis и стили мышления в Западной Европе XII–XIII веков: тексты, образы, идеи». С. 132, 193. URL: https://igh.ru/system/dissertations/dissertation_pdfs/000/000/019/original/5f46e836737542544bccfc14d177cca89d5a276d.pdf?1524053608 (дата обращения 11.03.2022). Это означает, что человек, ссылаясь на книгу, книги не открывал и проблемы не исследовал.

переводим термин «персона» как «личность» (это же перевод!). Лучше оставить этот термин без перевода, тем более что слово всем знакомо, сознавая, что эта персона связана с внутренней организацией человека, с его определительными качествами, главным из которых была речь, и эти внутренние качества организуются умом, душой, телесностью, ибо выражения ума и души передаются вовне телесно — звуком, письмом, произнесенным словом, оплотненным воздухом. Мы и иные местоимения называем в этом смысле личными, т. е. выражающими внутренние свойства, своё человека, через лицо проявляющиеся. Их вначале было два: я, ты; он (она, оно) стало считаться личным не в столь давние времена сравнительно с теми временами, что охватывает человеческая речь. Через **речь** и говорят о личных местоимениях (Августин, Петр Абеляр): первое лицо «я» — я говорю, второе лицо «ты» — ты говоришь, третье лицо «он» — тот, о ком говорят. Личные местоимения — это уже не лицо-**facies**, часть тела, это уже выражение себя собой. Они потому являются *pronomina personalia*, т. е. «нечто персональное вместо имени», что «за» именем действительно стоит нечто персональное: имя — это прикрытие вещей, на которые надо направить **внимание**. Сама же вещь, *res*, если мы обратим на нее внимание, состоит, помимо лица, из многого. Ее смысл, сущность — не «лицо». Бог — поскольку он точечный, Его нет, он невидим, может быть назван и лицом, как Своим метафорическим представителем, как Собственным феноменом.

Но телесная вещь? человек? Когда-то личность понималась как «индивидуальная субстанция разумной природы», где каждое слово читалось *cum grano salis*. Персона — маска, которая представляла отдельных друг от друга людей, но смысл этой маски был не столько в изображении отдельного человека (хотя тоже важно, **как** она его изображала), а в том, что «полая маска **непрерывно** должна усиливать звук, так что если в персоне выделить корень *sonus*, писал Боэций, то эту маску уже должно понимать не столько как лич(ин)ность, машкеру, сколько как «гласность» или «звучность»³, поскольку человека, повторим, выражала речь. И эта речь (каждое слово) была двойственной. Так, слово «персона» означало некую субстанцию. А субстанция в каком-то смысле универсальна, в каком-то — означает частное, отдельное, единичное. Что значит «универсальна»? Это значит, что она, во-первых, пронизывает все собою целиком и полностью, т. е. всем свойственна, неделима: она в этом смысле — сама по себе, и как сама по себе не обладает никакими свойствами и может быть выражена через голос, он — ее представитель, он говорит, свидетельствует, что она есть; а во вторых, она как единичная вещь может быть подлежащим, принимающим всевозможные акциденции, или попросту все, что на эту вещьросло. Она, поскольку она единична, говорить не может, но может себя показать. Первая — может **сказать**, вторая — **показать**. Поскольку Бог абсолютно универсален, Он **говорит**, поскольку человек частичен, но заключает в себе и самого Бога, и самого себя со всеми своими свойствами, он **не только говорит**, но и показывает. Он — маска Бога. Маска для Бога. Он же — Произведение Бога. Этим можно объяснить, почему и Библихин отталкивался от термина «личность», имел ее в виду, не признавая ее, поскольку основания его философии были иные: он исходил, повторим, из размышлений о Мировом, а не из идеи историчности начала творения.

³ См.: Боэций. Против Евтихия и Нестория // Боэций. «Утешение философией» и другие трактаты. — М.: Наука, 1990. — С. 172.

Пример из философии V–VI вв. необходим для разьяснения основания теории личности, ибо мы живем в **постхристианской** культуре с оглядкой на начало христианства. Но именно здесь и начинаются сложности. Из множества определений личности мы обратились к упомянутым четырем, выразившим ее, на мой взгляд, наиболее емко. Первым написал на интересующую нас тему Аверинцев, потом (почти рядом) Библер. Гефтер и Бибахин выступили чуть позже, но очень мощно.

Греческое изобретение индивида: Аверинцев

В середине 60–70-х гг. XX в. появляется, помимо весомого структуралистского дискурса, не менее весомое движение за диалог культур. Терминами «творчество», «произведение», «диалог», «личность» было заполнено философское, историческое и культурологическое (термин только что появился) пространство. Поэтому, естественно, в попытках определить «личность» они немедленно всплывали рядом.

Аверинцев, размышляя о ближневосточной «словесности» и греческой «литературе» (статья в «Вопросах литературы» № 8 за 1971 г. произвела бум, поскольку очевидно было, что, скорее всего, впервые речь зашла о разнице между философским и религиозным мышлением), писал, что термин «творчество» не вполне применим к грекам-философам: ибо «пойесис» его не столь четко выражает, скорее это — дело как изобретение. Греки «изобрели совсем особый, опосредованный, объективированный тип коммуникации-через-литературу, сознательно отделенной от жизненного общения. Со стихией разговора они поступили по-своему, переместив его *вовнутрь* литературного произведения и создав драматические жанры и прозаический диалог: теперь уже не литература омывается волнами длящегося разговора бога и людей, а разговор, искусственно воссоздаваемый, имитируемый и стилизуемый средствами литературы. Диалог был понят как литературный жанр! Это греческое изобретение едва ли не наиболее отчетливо выявило коренную **недиалогичность** греческой литературы»⁴. Ибо искусственность здесь налицо. Аверинцев пишет: «...что такое платоновский Сократ? Это идеал радикально *недиалогического* человека, который не может быть внутренне окликнут, задет и сдвинут с места словом собеседника, который в пылу спора остается всецело непроницаемым, неуязвимым, недостижимым для всякого иного «я»... Такой образ — гениальный литературный коррелят эллинских философских концепций самодовлеющей сущности: и неделимого «единого» элеатов, и демокритовского «атома», и платоновского «сущностно-сущего» (которое, как известно из «Тимея»... никогда не рождается и никогда не преходит, но всегда есть), и того неподвижного Перводвигателя, о котором будет учить Аристотель. Это «индивидуальность» в полном смысле слова, некое «в себе»»⁵.

Из этого следует и отношение к личности (будем пользоваться прижившейся терминологией). Для Аверинцева личность — это «ум, неподвластный чужому окликанью», это ум, высвободившийся из «диалогической ситуации», «создавший дистанцию между собой и другим «я»», получивший «невиданные доселе возможности

---

⁴ См.: Аверинцев С. С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность». Два творческих принципа // Религия и литература. Ann Arbor, Michigan: Hermitage, 1981. — С. 18.

⁵ Там же.

для подглядывания и наблюдения за другими и за самим собой “со стороны”, для объективной характеристики классификации чужих “я”⁶. Это характер (вырезанная печать или вдавленный оттиск этой печати), «личность, данная как личина, лицо, понятое как маска, это отнюдь не торжество внешнего в противовес внутреннему или тем паче видимости в противовес истине», как мы только что допускали. **Лицо**, как считали греки, — «становящееся», а потому оно «чуждо истине», а вот **маска** — «сущее».

Почему?

Аверинцев считает, что греки ставили акцент на эйдос. Маска же — «неподвижно-четкая, до конца выявленная и явленная». Это смысловой предел непрерывно-выявляющегося лица. Лицо живет, но маска пребывает. У лица есть своя история; маска — чистая структура, освободившаяся от истории, достигшая полной самоопределенности, массивной предметной самотождественности. «Маска дает облик лица овеществленно, объектно, статуарно... в единожды напечатленном и навечно застывшем отпечатке печати», т. е. в характере⁷. Открыв «маску», греки открыли индивидуальность. И это, конечно, главное: **индивидуальность индивида**. «”Личностью” человек бывает или не бывает — независимо от того, что он о себе думает; в качестве “индивидуальности” он самоопределяется — или не самоопределяется — в своем сознании»⁸.

Это, конечно, мощное утверждение в пользу индивидуальности, объясняющее последующее переопределение, с которого мы, собственно, начали, помогающее определить персону именно через индивидуальную субстанцию разумной природы и показать, что индивид — здесь эйдос, сама индивидность.

Понимание диалога и личности Библером: возражение Аверинцеву

Но вот что говорит о диалоге, который не определяет, по Аверинцеву, Античность, Библер. Он утверждает, что диалог — это вовсе не конструкция, это мучительный **внутренний спор** философа в душе философа. Он в самой мысли, доводящей до предела свои определения и — выходящей на границу других возможных определений, понятий, пониманий, которые обнаруживаются в распадке этой доведенной до предела мысли. Философия как раз достигает наивысшего напряжения в идее **произведения** как идеи философской (по Аверинцеву, произведение — это, напомним, литература, сознательно отделенная от жизненного общения). Библер (его книга «Мышление как творчество» вышла в 1975 г.) размышлением о диалоге явно оппонировал Аверинцеву 1971 г., заявляя, что диалогична сама мысль, внутри себя общающаяся с собой.

Это значит, что не только **диалог**, но и **произведение** становится проблемой.

Диалог, по Библеру, определяется через общение мыслями в произведении, которое подобно, как и у Аверинцева, дереву, но растущему корнями не вниз, а вверх, т. е. **прочь от почвы**. Это значит (если принять определения литературного произведения Аверинцева), что мысль Библера тоже литературна, но, несмотря на употребление

---

⁶ См.: Аверинцев С. С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность». Два творческих принципа // Религия и литература. Ann Arbor, Michigan: Hermitage, 1981. — С. 19.

⁷ Там же. С. 21.

⁸ Там же. С. 17.

одинаковых терминов, они полностью несовместимы в их понимании. Аверинцев настаивает на разных путях развития литературы/словесности Греции и Ближнего Востока, т. е. выражений философии и религии. Библер же все видит с позиций только и единственно **философа** (соответственно, и Аверинцева не с чисто филологических позиций) и видит присущую обеим позициям логику, понятую как всеобщее определение схематизмов движения мысли, при которой «спиральное взаимопредположение индивидуального ума и всеобщего разума достигает предельного напряжения (в идее *произведения* как идеи философской), и тогда грань “философия — религия” становится специальным и осознанным предметом разумения»⁹.

Перед нами два подхода и к определению понятий, и к пониманию всеобщего. Если Аверинцев фокусируется на идее **различия**, то Библер — на идее **всеобщего**, которое есть **особенное** в философии, которая и не-религия, и не-искусство. Она стоит в опасном соседстве с ними, на грани с ними, т. е. будучи тем, что Бахтин назвал культурой, которая собственной территории не имеет, сопрягаясь с искусством в том, что философия «есть порождение... возможного бытия... есть сфера из-мысленного бытия». Рожденная личностью философа (о чем ниже), философия раскрывает всеобщность (самостоятельное бытие) моего разума. Но когда его раскрывает, это уже не личностный разум, а извне обращенный на личность, и в этом смысле — анонимный, хотя личностью философа (и только ею) актуализированный»¹⁰. На этой **двуосмысленности** Библер настаивает. Мы снова сталкиваемся со странностью: личное дело становится безличным. Получается, как у А. А. Богданова: «Человек — личность, но дело его безлично». Но если философ — личность, то как быть с его именем? Оно сохраняется до тех пор, пока живы те, кто жил с ним и знает его? А за пределами этого времени не имеет значения, становится балластом, бесполезным для памяти человечества? Дело-то разума анонимно... Мы же — и вот здесь сейчас заняты философией конкретных людей... Не только недавно ушедших, но и невесть когда... Парадокс и состоит в сопряжении анонимности всеобщего и конкретности актуализированного. Но потому мы всегда и сразу говорим и от себя, и не от себя.

Продумаем еще раз, что для них (Библера и Аверинцева) личность и произведение?

Когда Библер пишет о личности, он полагает, что она, личность, образует зазор между собой и другим (чужим) «я», и то, что она обладает властью благодаря личности философа обращать анонимность (всеобщность) разума на поступок человека как индивидуальной, вот этой, личности. Это и позволяет ему определять свою философию как философию вечно пограничной культуры и как философию вполне определенного времени — XX в. И потому произведение для него предполагает *диалог* не как конструируемый автором (см. выше: Аверинцев), а как содружество *автора*, творившего, скажем, в античной культуре, и *читателя*, живущего, к примеру, в культуре современной. «Это действительно будет диалог — произведение всегда обращено к (возможному) далекому Собеседнику. Само произведение есть такой *вопрос*, обращенный к человеку, здесь, сейчас отсутствующему (но философия чаще всего и имеет дело с *отсутствием*. — С. Н.), ответ которого мне необходим... вместе с тем произведение — это *ответ* на

⁹ Библер В. С. Что есть философия? // Библер В. С. На гранях логики культуры. — М.: Русское феноменологическое общество, 1997. — С. 47 (прим. 10).

¹⁰ Там же. С. 48.

другой предполагаемый *вопрос*. И я *отвечаю* (ответствен) всем своим бытием, в произведении запечатленным»¹¹.

Произведение — всегда произведение (это не просто живая речь, обращенная к современнику и даже к перед тобой стоящему современнику), вопрос понимания — вечный или, скажем, долговременный вопрос, для философии, иногда до сих пор живущей в сфере только и только понятия, очень важный. Возникающие и меняющие первоначальный замысел смыслы уже заложены в самом этом вопросе в силу меняющегося значения слова.

Как пишет Библер, «читатель (слушатель, зритель) всегда домысливает, дорабатывает, своеобразно понимает мое “послание”, он *соавтор*, наш диалог продуктивен. Хотя — парадоксален: читатель (зритель, слушатель...) дорабатывает, завершает, замыкает мое произведение, впервые осуществляет его *как* произведение... ни слова, ни краски, ни ноты, ни высказывания в нем *не* изменяя»¹².

Ясно, что Библер не имел в виду, что читатель *станет* тем автором, произведение которого он читает, но все же написанное позволяет понять, что читатель способен если не стать тем автором, то понять его. Но понять как? Как читатель авторского времени? Как читатель своего времени? Или как читатель того и сего времени, ощущающего разрыв между тем и этим?

А что исключил бы современный читатель из произведения прошлого? Что ему дают обнаруженные им ножницы между пониманиями? Игру воображения? Знание процесса? В чем культурно-логика начинания?

Согласимся с Библером (примем условно, допустим), что «автор произведения всегда (и целеосознанно) *проецирует* из своего произведения собственного идеального читателя (...) — уже по замыслу, по архитектонике произведения, — отнесенного на такое-то «расстояние», и из предположенной точки видящего, слышащего, понимающего, домысливающего все сказанное, помысленное в произведении, точнее — в предположенном общении с *автором* произведения, также проецированном *из* самой произведенческой плоти. Но спроецированный автором “идеализованный” читатель вступает — в моем сознании — в диалог (спор) с *реальным, этим*, феноменологически значимым читателем — моим малым Я»¹³. Но «главное, пожалуй, еще в другом. Каждый *автор* новой культурной эпохи, создавая свое произведение (художественное, философское, теоретическое, нравственно-религиозное), всегда — хочет он или не хочет — уже своим актом творчества оказывается в смысловой перипетии смыслового (вопрос — ответ — вопрос...) общения с произведением и автором иных культурных эпох, с их вопросно-ответными смыслами. В каждом новом произведении *автор* диалогизирует с иным автором (авторами)»¹⁴. Произведение всегда рождается как только еще возможное. Поэтому и личность всегда находится на собственном горизонте.

---

¹¹ Библер В. С. О логической ответственности за понятие «Диалог культур» // Библер В. С. На гранях логики культуры. — М.: Русское феноменологическое общество, 1997. — С. 208.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Борхес Х. Л. Пьер Менар, автор «Дон Кихота» // Борхес Хорхе Луис. Проза разных лет. — М.: Радуга, 1984. URL: <http://maxima-library.org/knigi/year/b/300357?format=read> (дата обращения: 24.08.2021. Цитаты из этого произведения даются по этой ссылке).

Термин «двусмысленность» — один из серьезнейших терминов XIX–XX вв., но не менее важен и для XXI в. Достаточно посмотреть на специально двусмысленно созданную рекламную практику. Но соответственно не менее, а более серьезен термин «дву-о-смысленность» (два пишем, три в уме).

Когда Библиер говорил о возможном читателе, он не имел в виду, что тот обязательно будет писать *это* произведение. Он его читал, менял собственную мысль и жизнь, рассуждал о нем или создавал множество черновиков, исправлял текст и рвал страницы, превращая текст в палимпсест. Именно палимпсесты (их было много в раннем Средневековье) зримо выражали расхождение и напряжение двух и более смыслов, раскапывая и воскрешая их (показывая! — ведь буквы вдавливались в пергамен).

Не так для Библиера. Для него дело даже не в реальном содержании диалога, которое может происходить в рамках уже слаженной философии, а в том, что сама логика диалогична, что философское мышление, предметом которой является мысль, изначально предполагает встретиться с *иным* разумом (иначе не получится никакого анализа, разве что перечисление признаков мышления), сама мысль расщепляется внутри себя самой, одной, для нее не нужно множества реальных партнеров. Для этого, как он говорит, должно быть какое-то недовольство своим разумом, а сама логика начала, **логика диалога логик** может быть реализована как спор разных разумов внутри одного мыслящего.

Но Аверинцев все же пишет не только о Древней Греции, но и о Древнем Востоке. Есть ли там такое деление?

Аверинцев пишет, что ни мудрецы, ни пророки не назывались литераторами, или скрипторами-писателями. Но скрипторами назывались средневековые мыслители, библейские комментаторы. Значит ли это, что они все специально-теоретически занимались прочитанным? Конечно, всегда происходила рефлексия над прочитанным, иначе комментарий был бы невозможен. Но это значит и то, что одновременно они вчитывались и со-участвовали в живой речи библейского пророка, осуществляя, как говорил Борхес, «нормальное дыхание разума».

В этом и дело философии (по Библиеру): разум по природе нечто начинает, он начинает все, но философским становится, когда дело доходит до предельных оснований. «Извечное дело философии заключается в том, чтобы обращать эстетическую, художественно воплощенную “горизонталь” общения личностей (именно — личностей, т. е. индивидов, общающихся на грани последних вопросов бытия) — в невозможную онтологическую “вертикаль”, — т. е. в общение моего индивидуального ума с моим — мною из-обретенным — всеобщим разумом — в общение моего смертного этого бытия — с моим насущным (для меня насущным) всеобщим изначальным бытием, — самобытием мира. Бытием не-воображенным. На-сущным». Здесь не индивид — главное, а личность — как предельное воплощение индивидуального. И «философский разум неявно подразумевает — как свою предпосылку — всеобщее бытие в пло(т)скости художественного произведения... Основная философская работа мысли и основное мыслительное наслаждение (автора и читателя) всегда осуществляется в процессе безвозвратного осмысления того, что за потоком воображения, предположения, логических начал и логических следований, за порогом книги — открывается, актуализируется реальный или — сверх-реальный мир, как он есть, или еще глубже — как

он возможен "в себе", но с непременным условием (обратным искусству), что все следы воображения стертые, невозвратно забыты, "леса" изобретения отброшены. Рамки "произведения" сведены "на нет", ушли в нети... Если не считать мгновенного (в прочтение и в текст включенного) начала встречной, спорящей работы читателя — философа, вымысливающего столь же всеобщий и столь же бесконечно-возможный мир, существующий, впрочем, только на грани с исходным философским миром, только в их взаимопредположении»¹⁵.

Но откуда берется этот «философский ум» там, где еще ничего нет?

Библер сам отвечает на этот вопрос, но не в виде возможного ответа, а в виде утверждения. «Философская мысль развивает (по-своему в каждой философской системе) целостную онтологию, точнее — онтологику этого возможностного, себя-предполагающего мира, не нуждающегося во внеположных... Божественных санкциях, — актуализируя определения индивидуального разума... для которого насущно *инобытие*, — бытие не наличное, даже — не сущее, но именно — *насуцное*. Только в идее насущности бытия (и его смысла) разум *есть*. Вне смертного индивида, вне особенного индивида, способного из-обретать (= понимать=во-ображать...) возможностное и NB — *насуцное* всеобщее, разум еще не разум, но — поневоле — абстрактное — тождество бытия и мысли. Пусть именуемое Богом»¹⁶. Это значит: быть — в насущности Ты (*alter ego*), личности. «Быть свободным — в своей трагической абсолютной ответственности — за историю, за всеобщее бытие. Быть добрым. Быть — без отсылок к Высшей Силе»¹⁷, это утверждение весьма существенно при убежденности в существовании только наличного мира, что он сам же и отрицает выше. Но что это за тождество, если оно тождество? Или бытие-в-мысли. Или мысль-уже-внедренная-в-бытие. Бытомыслие, т. е. взаимопроницаемость. Конечно, бытомыслие — это метафора, которую Библер не может и не хочет избыть, не выходя за рамки все-таки известного мира, варианты существования которого исследует, надо, впрочем, сказать радикально-рискованно, несмотря на полную к настоящему моменту утрату голоса. Все-таки уповая на заданность и человека, и его речи.

***Идея немотивированности Гефтера. Личность как выбор.
Есть ли тоталитарная личность?***

Однако, как считал его друг-оппонент М. Я. Гефтер, человек все-таки возник из немотивированности. Это одно из самых ценных наблюдений: признание немотивированности означает признание неведомого, которое неким таинственным образом поставляет нам аргументы жить и мыслить. «Существенные моменты, разъясняющие места преткновения историка, — *немотивированное* появление человека думающего; необъяснимое появление речи; непонятное разбегание людей по лику и лону Земли»¹⁸. Немотивированно появившаяся «речь сняла предел понимания. Понимание

---

¹⁵ Библер В. С. О логической ответственности за понятие «Диалог культур» // Библер В. С. На гранях логики культуры. — М.: Русское феноменологическое общество, 1997. — С. 208.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Гефтер М. Я. Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством. — М.: «Европа», 2015. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=240020&p=6> (дата обращения 17.03.2020).

делается бесконечно варьируемым, углубляемым, но и бесконечно затрудненным для себя самого»¹⁹. Речь отлична от любых способов коммуникации. Она, как и история, возникает сама и возникает одновременно. Но и речь, как и история, способна на произведение случайностей именно из невозможности понять ее фоновые мотивы. Эти случайности, чаще всего не учитываемые, на деле, если их до мелочей вспоминать, творят историю.

«Человек отторгает ситуацию своей смерти, он видит себя в свете вторичного открытия жизни. Культура стала ему сном и явью, она его хранит от безумия и суицида. Самоубийство ввиду смерти замаячило очень серьезно»²⁰.

«Вот что позволила культура — передавать себя другому, переходить в иное вне своего дома»²¹.

С этим выводом связано и определение Гефтером личности, которая, на его взгляд, не надстроена над индивидом высшая форма, а «более поздний ход, вступивший с индивидуацией в спор»²². Он здесь явно не в ладу с Аверинцевым, поскольку считает, что «в некотором смысле христианство менее индивидуализировано, чем прежние формы жизни. Личность — это **выбор, форма преодоления тесного круга своих с выходом к чужим**»²³, случай.

Это уже третья попытка определения. Напомним их: 1. Маска как сущность. Индивид (Аверинцев); 2. Личность — уже **не** маска, это место встречи разумов, напряжение индивида, эмиграция, выход за пределы (Библер); 3. Тот, кто осуществляет выбор и выходит за пределы себя.

При этом надо обратить внимание: *если* намеренно загонять личное внутрь, до неузнаваемости и невидимости его, то последующее может смыть личность, напрочь и навсегда.

Проблему Гефтер видел в том, что мы никак не выйдем из своей же финальной исторической интриги, он поставил тот самый вопрос, которого не увидел Библер, оставшийся в пределах заданной истории. Ставить вопрос об истории внутри нее, согласно Гефтеру, значит ставить вопрос, на который нет ответа, но сам вопрос посягает на личность спрашивающего. Проблема не в том, что с нами происходило, а в том, как мы об этом говорим. Язык, которым говорил Гефтер, оставляет открытым работу над будущим — другие языки такую работу исключают.

Говоря об истории, полагает он, нельзя поддаваться иллюзии, будто история содействует развитию личности. Это не так! Наоборот, история личности препятствует. Она, особенно это показала наша нынешняя, от 24 февраля 2022 г. существующая ситуация, ее строит в колонны. Требуется подчинения своим правилам. Стягивает под определенные знамена, сгоняет в определенные станы и, вторгаясь в мировой порядок, ставит под гибельный удар самоё себя! Но человек не сводится к его истории. Есть человеческая повседневность, которую ни в какую историю не втиснешь. Есть оппозирующая истории культура. Соппротивление культуры человеческой повседневности, их общие схватки

---

¹⁹ Гефтер М. Я. Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством. — М.: «Европа», 2015. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=240020&p=6> (дата обращения 17.03.2020).

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

с историей дают человеку достичь уровня личности. Чтобы, недолго побыв на этом уровне, его потерять и, может быть, еще раз возобновиться.

«Множества личностей нет, это миф. Индивидуальностей гигантское множество, но личность, открытая Миру, оставаясь самой собой, контактная со всеми людьми, — личность, — утверждает Гефтер, — *сверхкомплектна*. Редкие поворотные, кристаллические моменты человеческого развития всякий раз убеждают меня, что у истории будет конец. Возможно, мы уже на пороге того, когда придется выбирать между личностью и историей. Дай нам бог выбрать в пользу личности!»²⁴

Еще одна цитата. «Вопрос о России в обнаженной, мрачной форме пророческого откровения ставил Чаадаев, который считает, что она находится вне истории. Но не по типу Востока, до истории еще не дошедшего. Россия вне истории, поскольку была ввергнута в *несамостоятельную близость* средствами власти. Мы не проработали метаморфоз, которые прошел Запад. В русском исходном пункте Чаадаев видит *не отставание, а искажение*. Отсюда мрачность оценки ситуации в целом: для возвращения в историю нет импульса»²⁵.

Ход рассуждения Чаадаева интересен в том смысле, что история людей для него — осуществление Божественного плана, но протекающее в формах нравственного разума, который творят люди. Отдельная личность может воспроизвести «воспитание рода человеческого» биографически, своей духовной силой.

Здесь, как замечает Гефтер, прорисовывается явное противоречие: Божественный план, движущий людьми, сталкивается с нравственным разумом, который творят сами люди. Связь полюсов Чаадаев проводит через оригинальную идею *времени*. Время не создано Богом — Бог его «препоручил людям». Если же «народ выпал из Божественного плана, его не существует: выпадение есть небытие. Потому он, — продолжает вести размышление Гефтер, — и завершает свое первое философическое письмо пометкой: Некрополис, город мертвых». Но вот его заключение: окружающее усредняло людей с нарастающей силой и не смогло усреднить! «Оказалось неспособным усреднить до степени, когда бы утратилась, хоть в памяти, их индивидуальность. Поэтому, когда при мне говорят: “Есть такое выражение: *тоталитарная личность*”, для меня это просто глупость или ложь. Какая может быть “тоталитарная личность”, пока она личность? Был *остаток* недовытапываемой индивидуальности. В рамках тоталитаризма, который, несмотря на усилия, при смертях, им несомых, им втесняемых идей, не смог всех свести к одному. Не имея этот феномен в виду, не объясните войну. Не объясните 1941-й, 1942-й с “Василием Теркиным” — странной поэмой, которая была на устах миллионов солдат, но где нет ни одного упоминания партии. Кроме единственной иронической фразы командира дивизии: “Твой цека и твой Калинин” — как это объяснить?

Ведь вот такая вещь: говоря, я пытался войти в корень этого моего “метапоколения”».

---

²⁴ Гефтер М. Я. Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством. — М.: «Европа», 2015. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=240020&p=6> (дата обращения 17.03.2020).

²⁵ Там же.

Действительно: в корень. Сейчас вышла книга «О поколении»²⁶, где эти размышления Гефтера могли найти достойное место, тем более что речь у него идет в его отношении к истории, «которой, думали мы, Сталин руководит, Сталин ведет. А оказалось, наоборот — это история Сталиным распорядилась, подобрав соответствующий персонаж... Она начинает распорядиться любыми помыслами, любыми человеческими судьбами. Люди вроде бы действуют, но в конце тяжелой коллизии, где могилы, кровь, война, — возникает то, что Герцен замечательно назвал *простором отсутствия*»²⁷. И сказав это, вновь, из сороковых XX в. напрямик вонзился в 24 февраля 2022 г., когда была объявлена «спецоперация» в Украине, которая росчерком пера распорядилась самым мировым порядком, смешав судьбы всех и каждого.

Эта гефтеровская глава называется «Я марсианин. Наше метапоколение». И действительно: от войны до войны — шаг. Но какой! Два разных режима: гитлеровский и сталинский шли навстречу друг другу, ибо цель — уничтожение людей. Покушение на индивидуальную смерть человека, который, оставаясь один, принимал решение о своей судьбе. В 1941 г. это было обычным делом, ибо рушилось все. Человек сумел отстоять не только свою жизнь, но и свою смерть. «Вот почему, — считает Гефтер, возражая Х. Арндт и многим описывавшим сущность тоталитаризма, — тоталитаризм не бывает стопроцентным, а существование фашистов не ведет человеческую ситуацию к фашизму. Есть резерв духовных свойств человека, который, даже не помышляя о том, что делает, — защищает и жизнь, и смерть. Отстаивает их, возвращает человеческое бытие в повседневность. И это не вчерашнего дня проблема. Она еще постучится в нашу дверь». Уже постучалась! «Заставляя задуматься о судьбе того “метапоколения”, о котором веду речь»²⁸.

Это мощный почти пророческий текст, который сильно отличается от продуманных и все же оставшихся академическими текстов Аверинцева и Библера, поскольку он говорит «голыми», действительно выскальзывающими из всех одежд, словами — несетя и мысль, и жизнь, оставив позади их автора.

Бибихин: не личность, человек — поступок

Но вот В. В. Бибихин. Он говорит не о личности и индивиде, а о цельности человека. Философ равно рассматривает паламитское богословие и современное отношение к энергии как отклонение, как сомнительный и опасный отход от аристотелевского и античного понимания энергии, которое является для него единственно истинным и непреходящим мериллом. Как целое — неделимое, как в принципе человек. И то, и другое — явления, несущие в себе заблуждение и ошибку, хотя в разной мере: в паламизме указываются и ценные стороны, однако в современном технократическом энергетизме таковых совсем не находится.

Аристотель — поистине Альфа и Омега всей мысли Бибихина об энергии.

---

²⁶ Философские поколения / Сост. и отв. ред. Ю. В. Синеокая. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. — 1232 с.

²⁷ Гефтер М. Я. Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством. — М.: «Европа», 2015. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=240020&p=6> (дата обращения 17.03.2020). С. 20.

²⁸ Там же. С. 21.

«Откуда взялось вот это личное Я? Бог ведь его не создавал, во всяком случае в Библии об этом нет. Он не создавал и личность. Сотворен был человек. Что такое человек? Это большой вопрос, мы им по существу заняты. Человек есть тот, кому сказано: узнай себя. Что если, не узнав этого, он был захвачен в плен самозванным Я... Человеку, который создан Богом, зачем еще идти к Богу за удостоверением второй раз? Все-таки один раз он уже создан.

И почему вообще к Богу подходит Я? Может ли в принципе Я подойти к Богу», — задает вопрос Биbihин²⁹. В самом деле, никакого Я не было без Ты, Я только по порядковому номеру стоит в списке личных местоимений первое, по событию оно не могло быть раньше Ты, тем более для Бога никакое наше Я не моложе Ты и без Ты строго говоря не бывает. «Такого Я, которое захочет заявить себя Богу без ходящего с ним Ты, Бог просто не увидит, не потому что он подслеповатый как Зевс, а потому что наоборот слишком зоркий и в упор не видит наших измышлений, вроде отдельного Я, в котором нет сути. Если видение Бога есть одновременно сотворение, то уж не воображаемое Я ему творить; а чего он не видит, то осуждено на провал. — Онтологически Я никак не раньше Ты, возникло перед Ты и в его глазах, и если забыло об этом, то Бог наверное не забыл, с какой стати ему растеряться. Я, подкатывающееся к Богу без Ты, похоже немножко на Каина, который, убив Авеля, сказал Богу: «Я не сторож брату своему». Ну нет брата. А я вот есть. Говори тогда со мной одним».

Здесь Биbihин ненароком, но явно идет за «Диалектикой»³⁰ Августина, где Августин как раз и говорит о личных местоимениях (Я и Ты) не как о первом и втором лицах, а как о лицах, не существующих одно без другого и сложных, следующих за Он-Этот, простой. Просто лошадь, просто человек, просто бег, просто бежит.

«Человек — не личность и не индивид», хотя Владимир Вениаминович проблематизирует и то, и другое — «сначала имеет дело не с именем и не со знанием, а с бытием и небытием»³¹. В, наверное, главном произведении о «личности» в «Узнай себя» он не случайно размышляет об этой известной дельфийской формуле, тесно связанной с рядом написанной буквой Еpsilon, которую толкует и как бытие, и как бытие, дарованное ТЕБЕ: «Дельфийское Е, прочитанное как это ты, исключает, что у паломника с божеством происходит разговор сформированной личности, Я, с верховной инстанцией, тем более выдающей удостоверение в бытии. Совсем наоборот, Бог надежды приватного индивида расстраивает. Он в человеческие загородки не входит, он раздиратель городов, разрушитель человеческих нагромождений. Это ты спутывает расчеты личности, стирает границу, внутри которой она хотела обособиться. Она пришла за поддержкой к Богу, он ее поправляет: это ты. Это здесь всякое, какое угодно, прежде всего сам Бог, к которому личность думает что пришла, а перед ней ее проекция, в которой ей надо прежде всего узнать себя. Потом, любой человек и любая вещь не другие, не совсем другие, это ты. Другой человек не дальше от тебя, чем ты сам, и никакая

---

²⁹ Биbihин В. В. Узнай себя. URL: <https://predanie.ru/bibihin-vladimir-veniaminovich/uznay-sebya/chitat/> (дата обращения 11.04.2022).

³⁰ Августин. О диалектике // Неретина С. С. Пауза созерцания. История: архаисты и новаторы. — М.: Голос, 2018. ПРИЛОЖЕНИЕ.

³¹ Биbihин В. В. Узнай себя.

вещь не дальше. Это неожиданно»³². «Приватная личность оказывается иллюзией». В этом его неожиданное согласие с Гефтером. Но и не столько с Гефтером, его он не знал, хотя мысли сталкиваются на неведомых путях, сколько с Августином, так же обращавшим внимание на отдельную букву — в данном случае на букву V как на средоточие целого, силы, жизни, истины, силы жизни и истины (*vis, vita, via, vinum, veritas*). Здесь не аристотелизм, в чрезмерном силовом пристрастии к которому Бибахина упрекает С. С. Хоружий, а особого рода универсальность, заключенная в звучащей речи. В этом, на мой взгляд, особый взгляд Бибахина, в котором *его* Аристотель рядом с Августином и иже с ними.

Я, если оно есть, это само понимание. «Это самое неуничтожимое, всем правящее, над всем легко торжествующее, берущее верх, легко проникающее. Понимание, открытость и принятие, правит всеми телами и умами, оно само и есть ум, т. е. умение. Оно существо человека не потому что человек такое исключительное существо что ему природой дано в удел понимание, — понимание и без человека разлито во всей природе и правит всем (отчего и возможно сравнение с незнакомым Гефтером. — С.Н.), — а оно существо человека, потому что человек не имеет в мире своей природы и не осуществится в своей истине, если не прикоснется к пониманию и не откроется в нем всему. И вовсе не понимание должно клянчить от, скажем, человеческой культуры участия, чтобы человек вспомнил еще и о понимании и потеснился ради него, поступившись расчетами, а хрупкий интеллектуализм остается почвой, не прикоснувшись к которой, великан теряет силу. Нелепо воображение, будто что-то удержится на чем-то помимо понимания; только на впускающей открытости что-то держится, она самое мощное и прочное. Одно из выражений Ницше: Познавший себя — собственный палач»³³.

В этом отличие подхода Бибахина, тесно связанного с идеями исихазма, хотя — можно сказать — с отрицательным знаком, прежде всего от Библера, который, кстати говоря, тоже настроен на понимание, но для него оно — понимание надстроенной личности. Бибахин над этим прямо-таки подсмеивается. «Я конечно могу сам себя из гордыни объявить исключительной личностью, личность бесценна, она стоит целой вселенной»³⁴. «Личность пожалуй будет и познавать себя, чтобы увеличить себя как личность. Что она личность, ей с самого начала совсем ясно и сомнений нет, проблема в том, как лучше быть личностью и возрастая. Считается, что быть личностью хорошо, а не быть ею во многих отношениях плохо»³⁵.

Я сейчас буду идти за текстом Бибахина, пытаюсь понять ход его мысли, строгой, дисциплинированной, совершенно своей, хотя она ходит по старым расхоженным вдоль и поперек местам. Он говорит — еще раз напомним — не о личности и индивиде, а о цельности человека. «Прежде имени и знания — *да* и *нет*, утверждение и отрицание, которые звучат в говорящем молчании до всякой речи, не столько суждения, сколько рискованные поступки принятия или непринятия человеческим существом того, что есть или чего нет. Причем не так что готовая человеческая личность совершает акты утверждения и отрицания, а скорее наоборот, в необратимом поступке принятия

---

³² Там же.

³³ Бибахин В. В. Узнай себя.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

и непринятия бытия и небытия человек осуществляется в своем существе. Он начинается с такого поступка; больше того, он и есть прежде всего такой поступок»³⁶.

Вот и дано определение цельности: человек — поступок.

«Только здесь, говоря *да* или *нет* целому, человек может собраться в простую цельность или не собраться в нее». Библихин тоже писал, что слово «личность» в русской Библии встречается единожды и переводчик вставил его без нужды³⁷.

Проанализируем все-таки иногда не замечаемые отличия подхода Библихина от упомянутых вначале мыслителей.

Прежде всего, его подход лишен всей и всяческой хронологии. Те исходят из истории, из той истории, как она выстроилась в Новое время: Античность, Средневековье, Новое время. Библихин этого просто не касается (см. «Язык философии»). Для него все известное — Мир, даже не современность, т. е. он рассматривает философию как философию и обращен (я уже выше об этом сказала) к самим вещам, что позволяет сравнивать все известное о них. Его хронология вообще не интересует. Аверинцев и Библер спорили в принципе не о главном. Личность — не личность — частности, иногда в них путаешься. Но это **мощное свидетельство того, как сильно влияние христианства, поставившего эту проблему, на наши не вовсе христианские умы. И какими путями идет мысль, в основном многими приемлемая в разных пропорциях.**

Библихин находит свой путь. И мы не вполне часто понимаем, откуда он взялся, хотя много раз повторяем «иное, иное»... И вот явилось это иное, и мы его не опознали. Такое однажды было с мессией. Такое было с Ансельмом Кентерберийским, с его неопознанным Aliquid-Тем самым Иным (не просто Нечто). Но, видимо, это не первый и не последний раз. И Библихина тема личности задела, но в некоем раздражении. Во-первых, он не избавился от самого этого слова («правлящая личность»), поскольку живет в *этом* языке. Во-вторых, не считал, что личность — некая высшая форма. «Личность приобрела о себе мнение, — писал он, — что она на самом деле замечательная, более ценная, чем приданная ей физиология. Замечательному почему-то всегда мешает низшее. Лучше спрашивать не так: что в человеке возвышенно, наподобие духа, и что невозвышенно, наподобие тела, а по-другому: **когда, как и откуда мы узнали, что в нас есть невозвышенное**»³⁸ (выделено всюду мной. — С. Н.). В этом смысле он работает заодно с Гефтером, которого — иначе, но интересует то же: когда-то узнали, что было так-то, а оно вовсе не так. «Частные языки разделяют не только группу от группы, но и личность от личности (здесь явно «личность» — синоним единичности. — С. Н.). Каждый человек сохраняет особый мир прежде всего и почти исключительно благодаря своему языку. У каждого свое имя. **Каждый говорит по-своему, даже если на том же языке. Язык ведет к пониманию, но он же и ставит проблему понимания**»³⁹.

Когда Библихин пишет, что язык «предполагает исходную непонятость между людьми», невольно вспоминается Августин с его идеей неясности в «Диалектике».

---

³⁶ См.: Библихин В. В. Язык философии. — М., 1994. URL: <https://predanie.ru/bibihin-vladimir-veniaminovich/yazyk-filosofii/slushat/> (дата обращения 25.08.2021).

³⁷ Там же.

³⁸ Библихин В. В. Узнай себя.

³⁹ Там же.

Потому что вот и Биbihин: «Язык настолько же обособляюще-разобщающая, насколько сообщающая среда. Причем сначала разобщение, потом общение. Язык раздвигает, хранит и устраивает пространство между людьми. Благодаря языку каждый может занять свое место в этом пространстве отдельно от миллиардов других. Каждому из миллиардов язык позволяет быть таким особенным, каким в природном мире дано быть, возможно, только целым видам»⁴⁰. Для него важна идея не общего и частного, с чем связана идея личности, а идея **события. Оно однократно.** «Всечеловеческий язык, неуловимый на путях обобщения, дает о себе знать только в каждый раз утрачиваемой и снова отвоеванной способности слова быть значимым значительностью события»⁴¹. И в этом смысле особую значимость приобретает поэзия. Поэт всегда говорит полным голосом и на единственном языке. И притом личность (а она божественна, она помощник в символических ухищрениях), выведет в горные выси. Но он отвечает, что «никакой символ не выведет к самым вещам, а имя одной вещи — Бог»⁴². Это почти прямая цитата из переведенного им Августинова диалога «Об учителе».

Целость, однако, никогда не обеспечить огораживанием; множественность, от которой обособилась личность, продолжает работать внутри ее загородок. Отношение к миру так или иначе остается определяющим. В истории этого отношения целость может возникнуть только через труд, первым своим условием предполагая неотделенность от мира, собранность которого больше похожа на соборность, чем на собрание. И здесь индивидуальность, не(от)делимость больше, решительнее отличается от всего другого: она не несет следов того, от чего обособилась. Неделимость не имеет границы, иначе ее граница была бы одной из частей, на которые она делится.

Биbihин сравнивает такую индивидуальность с Лейбницева монадой, которая, не имея окон, открыта вселенной: у монады, простого, нераздельного существа, нет шансов быть, т. е. у нее нет основы для существования (ей пришлось бы остаться идеальной сущностью), если не выбросить себя в целое. Происходит то, что Биbihин называет «огораживанием» того, что хочет быть простым нераздельным самим собой, и это огораживание действует в оба конца: насколько отталкивается мир, настолько сложнее «структура отражения того, что себя огородило». Оно вбирает в себя, делая собой то, что его теснит извне, но не как сумму вещей, чтобы не лишиться простоты, а как само и именно целое ни убавить-ни прибавить. Биbihин сравнивает такое вбирание в себя целого, которое может стать всевещающим, но не всеобъемлющим, только с поэзией (иного не дано), когда поэт, скажем, вмещает в себя персонажей; они становятся им, а он ими, созданными, избегая однако оборотничества. Это и есть задание монады — быть местом целого, мира⁴³. В таком смысле Биbihин понимал и «событие мира» у Бахтина.

У Биbihина всегда основательная проработка темы, к которой, если она затрагивала, он возвращался в разных произведениях. Я уже сказала, что мы пойдем вслед за его мыслью, тоже не страдая от повторов ее. Биbihин же напоминал, что есть причины уметь прочитывать всю жизнь Лейбница, где все имеет значение: и то, что он был славянин (фамилия переделана из Любенич), что много думал о России и изучал ее, видел

---

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Биbihин В. В. Узнай себя.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

ее серединой мира — между Европой и Китаем, что был лично знаком с Петром I, что его ученик Х. Вольф был учителем Ломоносова и главное — что монадология оказалась краеугольной темой русской мысли начала XX в., в «неолейбницеанстве» В. В. Зеньковского, А. А. Козлова, С. Ф. Аскольдова, Л. М. Лопатина, Н. О. Лосского, у математика Н. В. Бугаева, отца Андрея Белого, и у П. А. Флоренского⁴⁴. К теме «узнай себя» Библихин делает много выписок, как Августин в стародревние времена, не щадя себя, иначе, как он пишет, «все останется лишь при тесном и теснимом отрезке, который всегда зависит от давления извне загородки», и подчеркивая, что «выход монады к целому это тайна, открытая только ей. Извне монада всегда будет казаться отдельной от всего. Вбирая целый мир, она становится по-настоящему простой <...> захват целого опережает в ней всякое постижение. Не потому что у монады есть глаза (в ней нет окон), она может видеть, а потому что монада — это прежде всего открытость мировому целому, она становится перспективной и получает возможность видеть, развивает глаза. Они странные. Окна ей не нужны, потому что она, так сказать, даже не на собственном теле, а на всей себе знает, что осуществится ровно в той мере, в какой притянется к целому. Она живое зеркало, т. е. выбирающий глаз, который видит сначала целое и потом, в интересах целого (весь интерес, *inter-esse* между ее бытием и небытием, сосредоточен для монады в мире) и в его перспективе видит уже все что видит.

Чей монада глаз? Опять же целого, потому что, целым извлеченный к бытию, он собственно целому же в первую очередь и принадлежит, а отдельной монаде дан на поглядение. Через все монады целое мира смотрит на себя и видит в первую очередь опять же само себя. За миром стоит Бог. Бог смотрит на мир глазами всех монад, тяготеющих, чтобы быть — иначе они не могут, — к верховной монаде. Монады это «точки зрения» Бога, с которых он смотрит»⁴⁵.

Кажется, все — найден термин простоты, личность умерла, как «дохлая рыба “бытие” у О. Э. Мандельштама, ибо упорядочение жизни требует упорядочения тела и души. Часто главным телом, в которое встраиваются другие, становится массовое тело, регулируемое властью, или тело рода, большой семьи, регулируемое обычаем. Расширение сознания, космизм, прояснение этажей Я, освоение бессознательного открывают широкий простор для планирования души, тела и их соотношения. Но темы эти — забота политики, социологии, психологии. Философия, может показаться, не заметила неисследованного материка — реального человека. Она как бы заранее согласилась с тем, что границы его тела и души останутся расплывчатыми»⁴⁶.

Вот здесь и термин «личность» вспомнился не вдруг. В каком-то смысле, но только именно по некоторой смежности в *pendant* Аверинцеву. «Личность в смысле отдельного человека не входит в число забот классической философии. Для Аристотеля и Плотина человеческое создание — второразрядная вещь в космосе, заведомо хуже, например, небесных тел. Считается, что Ренессанс — эпоха возвеличения человека. Но за ренессансной антропологией просвечивает христология; человек ее интересуется только как микрокосм, указывающий на космос».⁴⁷

---

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Библихин В. В. Узнай себя.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Библихин В. В. Язык философии.

Немножко все-таки похитрее в Ренессансе, *homo faber* все-таки хамелеон с изменчивым обликом и непостоянным характером, властный стремиться и вверх, и вниз, к дьявольщине. Но, конечно, вещи стремятся к Богу как источнику и цели своего бытия. Бог же как причина и цель бытия вне мира, но вместе с тем преисполняет мир. Любая вещь, кроме человека, предопределена быть тем, что она есть. И только человек не имеет предназначенных свойств, но должен сам сформировать свой образ. Так, по крайней мере, считал Дж. Пико делла Мирандола. Но, конечно же, космос для всех мерило и правило.

Вот и Кант, по Бибихину, «относит личность к числу паралогизмов: нам кажется, что словами “личность” и “я” мы обозначаем что-то определенное, но это не так; о личности и я мы можем знать только по самим себе и только в той мере, в какой нам удастся не плыть с потоком, а вопреки ему обеспечить себя немимым постоянством. Без обеспечения мною, моим самоотчетным усилием личности нет»⁴⁸. С этим и Библер согласился бы. Но «Кант, — как бы останавливает это сходство Бибихин, — продуманно обходит вопрос, хватит ли меня для того, чтобы обеспечить себе непрерывность личности, достаточно ли в принципе человеческих сил, чтобы сквозь сон и болезнь, наперекор человеческим и нечеловеческим влияниям сохранить себя, когда давление извне, само по себе мощное, оказывается всё же меньше подтачивающей изнашивающей тяжести старения. Между детством и “зрелостью” часто проходит такая перемена, что того же по имени взрослого человека приходится считать убийцей ребенка, каким был он сам, и самозванцем, занявшим чужое место.

На говорящего такие вещи посмотрят осуждающе: он антиперсоналист, недооценивает высшее достижение европейской культуры; он по-видимому не принадлежит к этой культуре из-за неразвитого чувства личности; он наконец не знает соборности, где каждый член — самостоятельная развитая цельность, гармонически сочетающаяся с другими. Никто однако не считает, что личность, существуй она, была бы нехорошее дело; особенно соборная личность. Важно только напоминать вслед за Кантом, что повторяя “личность, личность” мы не оказываемся ближе к ней. Когда личность попадает в условия философского разбора, ей редко удается устоять. Ее подкладкой оказывается что-то другое»⁴⁹.

Бибихин, не стесняясь повторов, повторяет известное, останавливаясь, однако, при анализе этого известного на мало или плохо проработанных местах. Что да-де, «принято считать, что у личности есть божественное обеспечение. Она то, чему Бог говорит *ты*».

Мы с этого и начали наш поход за пониманием личности. И тут же мы сослались на его слова, что да-де, «не случайно... в Священном писании нет никаких личностей и самого этого слова. Называть личностью того, кому Бог говорит *ты*, можно только если мы не забудем, что это слово не имеет права означать больше чем именно вот это самое: существо, которому Бог тогда-то, так-то, для того-то сказал *ты*. На просьбу Моисея назвать Свое имя (Исх. 3) Бог ответил: “Я есмь Тот, Кто есмь”. Для нужд религиозной философии это место было истолковано в том смысле, что Бог выдает свой, так сказать, состав: он — Сущий, т. е. бытие. Это однако уже религиозно-философская интерпретация. До всякого истолкования слова “Я есмь тот, кто Я есмь” означают, что всё в Боге,

---

⁴⁸ Бибихин В.В. Язык философии.

⁴⁹ Бибихин В. В. Узнай себя.

включая его отношение к человеку, каждый раз такое, какое оно есть, одноразовое, неповторимое, новое. Историческое. Как не нужно превращать грамматику фразы Исхода в философскую онтологию, так не нужно встречу Бога с человеком лицом к лицу делать основанием для философии личности. Что дано человеку в неповторимый момент его разговора с Богом, то и отнято, как у Иова, от которого остался только голос из ничего, *de profundis*. И в том, что Иов судился с Богом и хотел оправдать свою невиновность и показать свою праведность, вообще что-то показать Богу, он был неправ, потому что показать нечего: Бог всё видит всё равно лучше чем человек, и человек всё равно видит не всё. Но в том, что Иов продолжал и хотел говорить с Богом и не умирать, как советовала ему жена, и не умолкать, как советовали друзья, он был прав, и его правота подтвердилась тем, что Бог пришел и говорил ему из бури и сказал то, что сказал: продолжил разговор, которого хотел человек, Иов, предпочитая этот разговор своей жизни и смерти. Иов оправдался тем, что хотел того, чего хотел Бог, продолжения встречи лицом к лицу, истории. Мудрые собеседники Иова предлагали ему разные окончательные решения, но Иов перед ними оказался правее тем, что разговору с самим собой и с человеческой мудростью предпочитал спор с Богом. В этом споре для Иова прояснилось, что Бог и человек не две договаривающиеся стороны»⁵⁰.

Я не согласна, что нельзя превращать грамматику «Исхода» в онтологию. Наоборот: эта грамматика — сама онтология, но сам пересказ — это еще один пункт устойчивости традиционного понимания, будто спорящие человек и Бог — именно договаривающиеся стороны. Библихин говорит: нет. «Человек стоит перед Богом не как некто, от себя имеющий нечто сказать, а только в той мере, в какой Бог дает человеку говорить. Голос ему дан чудом»⁵¹.

Вот и Гефтер — то же. Но и он не замечен.

Он, голос, продолжает Библихин, «есть в той мере, в какой человек каждый раз заново принимает себя от Бога. Это странное отношение. Такому отношению учит вера. Но философия (Библихин говорит от имени философии, поэтически заместив ее собою и себя ею, подав пример оборачивания без оборотничества. — С. Н.) учит здесь не другому чем вера. Для нее человек тоже не обеспечен. Мысль думает так, что ей всё равно, что случится с тем, в ком она думает, от того, что она думает. Мысль еще не думает, если она не решила так, что перемена всей жизни, целого существа того, в ком она думает, ее не остановит и не отклонит»⁵².

Ну, а как быть тем, для кого философия — не вера. Написал же А. П. Огурцов «Поражение философии», смысл которого именно в том, что философская рациональность отдана на откуп не иррациональности веры, а просто вере. Вот таким верующим *бездоказательным* предложениям, что и у Библихина. Невольно вспоминается: «Если Вы, Александр Павлович, считаете, что я интерпретирую... (в том старом споре имелся в виду Витгенштейн. — С. Н.), то я обижусь». Здесь-то речь о еще более солидном тексте! И что — это надо принимать безоговорочно? Нет, с остановкой и задумавшись — принять в себя без оборотничества. В этом магия текстов Библихина. Но все-таки — без оборотничества. Продолжая идти за мыслью. А она вернулась к старой, как мир (вот и

---

⁵⁰ Библихин В. В. Язык философии.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

оправдывается тема мира обращением к старым, как мир, проблемам) проблеме очищения от тела. Я сейчас в больнице пишу этот текст, и рука невольно тянется по моему заваленному книгами и рукописями столу в поисках «Узнай себя», которую я вижу, и — столбенею, потому что стола нет, только тумбочка в палате, на которой я примостилась со своим открытым компьютером. Я увидела себя в другом пространстве, очевидно же, мыслью, хотя видела весь телесный ряд, которого здесь нет: он отсутствует, но присутствует там, где я мысленно оказалась.

«На старом языке философии, — читаю у Бибихина, — очищение от тела — первое условие мысли»⁵³. «Войди в опочивальню ума своего», — писал Ансельм Кентерберийский в «Прослогионе». И Бибахин подхватывает: «Мысль должна очиститься от тела, чтобы быть мыслью. Очищение от тела возможно для человека только как очищение тела, которое должно научиться держать себя в огне мысли... Весь человек сосредоточивается на отдавании себя и оказывается нужен только для этого действия отдавания. Тело вручается не тому, кто связан телом. Такой был бы непригоден править телом, тем более вернуть его от смерти к жизни. Телом по-настоящему управит тот, кто телом не связан»⁵⁴. Но только на какой-то момент. В иной уже окажется связан, как я в больнице. Это снова верующее предложение, из которых соткан захватывающий текст Бибихина.

Бибахин видит в этом отдавании и очищении от тела единство веры и философии, их тождество, найдя определение в этом тождестве человека, совпавшее с мыслью Гефтера, с которым у них и примеры общие — из ап. Павла: «**Человек есть поступок**». Здесь-то и произнесена та фраза, на которую мы по неумности своей уже ссылались выше: «Кажется, только один раз мы встречаем в русской Библии слово “личность” (2 Кор. 10, 7), но переводчик явно вставил его без надобности. В греческом здесь *πρόσωπον*, *лицо*, как и везде в Священном писании. **Лицо — лицевая сторона человека или вещи, расположение, намерение** (выделено мной, хотя это уже сказал Тертуллиан. — С. Н.). Словно из трясины, мы выбираемся к библейскому лицу от современной личности, которая, наоборот, не поступок, а то невидимое в человеке, что надо сначала еще раскрыть; но как это сделать без поступка?»⁵⁵ Бибахер это делает через произведение, Аверинцев констатирует факт. Гефтер ведет столь же экзистенциальный разговор. Бибахин ведет напрямую к определению невидимого существа философии, которое захватывает.

Лучшее во мне (вот здесь Родос! Здесь показывается, как идет через себя определение философии) — то, чего во мне не видно и что, «возможно, никогда не увидите. Там я настоящий и поистине удивительный. Как душа, дух, личность я равен целой вселенной и т. д. <...> тело кошки не губит идею кошки; но тело человека губит тонкую идею человека. Кошка ограничена кошкой, и некоторые люди ограничены своим телом, но высокий человек к телу не сводится. Интеллект выше ощущения, сознание выше физиологии»⁵⁶.

---

⁵³ Там же.

⁵⁴ Бибахин В. В. Язык философии.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

*Еще раз Гефтер и современно-своевременные ответы Библихина
о ситуации в философии и познании*

Но и Гефтер (как и Библер) явно не согласен ни с Аверинцевым, ни с Библихиным. И для него в приведенном высказывании главное — расчистка пути для единения с Богом, что требует впадения в одиночество. Для него с Ветхого завета все же началась именно История-Олам, и эта одноразово возникшая история не является разверткой линии прошлое-настоящее-будущее, где времена последовательно вытекают друг из друга. Для него так понятое прошлое и будущее — банальности, «здесь, — как он говорит, — не календарные — здесь другие скорости, другая природа времени»⁵⁷ — и иное время человека, и человеческая повседневность, которая своей регулярностью сопротивляется истории, и тут же ведется спор культуры с историей, когда повседневность вносится в трагедии (видимо, в моменты избывания), а в трагедиях избывается горе без крови и жертв.

Библихин же там, где он употребляет термин «личность», как правило, представляет ее такой, какой ее представил Виноградов — социально значимой личностью. «Подмечено, — пишет он, — что сейчас, в обстановке перестройки, углубляющейся демократии, гласности, демократическими формами [...] порой спешат воспользоваться не добрые, справедливые, совестливые, действительно принципиальные люди, а напротив, люди настырные, беспардонные, циничные, преследующие свои корыстные цели, сводящие счеты, пытающиеся возвеличить свою персону»⁵⁸.

Философия для Библихина — не «интеллектуальная деятельность», не «научная область» или «культурная сфера», и язык философов не «конструкция», не «информация о вещах», но «подготовка возможности того, чтобы знание о них могло складываться на последних, предельных по обоснованности основаниях»; философия это «попытка — ничем не обеспеченная — вернуть жизни, моей человеческой, то, чем она с самого начала размахнулась быть: отношением к миру, не картине, а событию»⁵⁹, попытка в бескорыстном слове дать («допустить») быть событию, оказаться «местом, где событие светится, становится явлением», где то, что есть, допущено быть как оно есть, а не поставлено под учёт и контроль»⁶⁰.

Но что такое при этом познание и как им заниматься?

Ответ почти столь же убедительный: «Занимаясь познанием, мы можем быть в математике, особенно чистой, ведем себя безусловно правильно. В естествознании, в изучении природы уже неизвестно, не губим ли мы ее, скажем, изобретением водородной бомбы, пестицидов или генной инженерией; во всяком случае, тут возможны два взгляда, один, что конечно губим и ученые виноваты, другой, что ученые не виноваты и не обязаны же они в своем научном увлечении еще быть и политиками, да не простыми, а успешными, чтобы обеспечить заодно со своими исследованиями и открытиями еще и такое безотказно добротное устройство общества, чтобы наукой не злоупотребляли. Но с познанием себя, в исследовательском смысле, мы еще хуже чем так рискуем: мы скорее

---

⁵⁷ Гефтер М. Я. Третьего тысячелетия не будет.

⁵⁸ Библихин В. В. Язык философии. С. 195.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

всего просто занимаемся не тем, выпадаем из жизни в академическую тему, придумку какого-то никому не нужного института философии уже в самые последние дни перед его окончательным справедливым разгоном, о котором никто не пожалеет»⁶¹.

Здесь он как в воду глядел. Правда, имел в виду готовившийся еще в 1990-е годы разгон, о котором в личном письме мне писал следующее:

«Зосимова пустынь 23.7.1993.

Мы хотели спасти Институт философии, умоляя письмом активные инстанции понять, учесть его ключевое место в нашем историческом семидесятилетии, семидесятилетии власти идеологии, служения народа небывалым богам. Но никого то семидесятилетие уже не волнует, кроме нас, тайная жажда новых богов не дает думать о старых, велит спешно переносить тот опыт сырым и нетронутым в новые реалии. И, как всегда, нас опередили, письмо то написали, сказав в нем другое, неправду, что будто бы славный Институт, не полиняв почти ни перышком, героически выстоял против давления и вынес на себе какие-то неменяющиеся ценности. Ах, мы-то знаем, как нервически он льнул ко всем новым извивам идолопоклонничества, и не знаем, как всегда, на что надеется ложь и почему от своих неудач она становится все лживее, когда надо бы наоборот.

Пишу поэтому не в инстанции, а просто вам».

И мы собрались в очередной раз защищать Институт, который аккумулировал в себе всю историю, плохую или хорошую, философию, обнаружив ее во всей жесткости, плоти и среди нечистот. Он был бы с нами и недавно, когда Институт едва не занял человек неряшливый, пошло-почвенный, первостатейный доносчик, выполнявший очевидный госзаказ через и благодаря Зиновьевскому обществу. Правда, он написал «справедливым разгоном», ясно понимая и то, что в Институте окопались и действительные бездельники, и те, кто в любой момент готовы приставить руку к козырьку с выражением «чего изволите?». Я помню, как в дни разгона 2013 г. я подходила ко многим с просьбой выслушать нас — тех, кого в свое время выгоняли из академических институтов, чтобы учесть те промахи и идеологические беды, из-за которых многих выгоняли в «те» годы из КПСС, что было равносильно «волчьему билету», запрету на профессию, а таких, как я, беспартийных, просто разными хитрыми уловками выталкивали в никуда. Правда, эта «Нигдея» оказалась философской территорией, что в то время я и хотела объяснить в наши «прогулочные моменты». Слушать никто не захотел, отговариваясь тем, что в Институте много библиотечных дней, всех устраивающих, необходимых для свободной работы.

Вот и Бибахин хотел это объяснить, правда, его тоже не хотели слушать. А хотел объяснить и то, «что самопознание — это вещь, которой человек, спрятавшийся в экологической нише, защищенный от напряжения и тревог, может спокойно “заниматься” до пенсии и потом сколько позволят после пенсии, и это никого не заденет, ни даже его самого, и **убережет от злобы дня.**

Это вот странно. Но в самом деле, похоже, что нигде человек не может вернее убежать от самого себя, чем занявшись самопознанием»⁶².

---

⁶¹ Там же.

⁶² Бибахин В. В. Язык философии.

Это еще один забытый «гений места». К самопознанию (книг сколько с призывами к нему!) привычней призывать. Он же пишет: «И наоборот: чтобы найти себя потерявшему человеку, всего вернее, и это будет как выйти на воздух из комнаты, забыться, забыть хотя бы на время все в себе и себя и выйти на улицу, на люди, не отгораживаясь от неожиданностей, от внезапностей, от нового. Не в “самопознании” человек вернее найдет себя, а когда забудется, забудет себя, вырвется из колеи, где он все глубже оседал в самокопаний и уже смертельно устал от себя, которого везде видел все одного и того же и надоевшего, в зеркале, в стекле метро, на фотокарточке в личном деле, в паспорте, на пропуске; уже и так знал себя насквозь, до скуки; и видел в сущности такого же человека как он сам в телевизоре, на улице, на работе.

Вовсе не “познавать себя” нужно мне, я и так задохнулся в самом себе, а лучше хоть немножко отвернуться от себя, стать другим или хотя бы просто увидеть другого, настоящего другого, как мы говорим, «интересного человека», а не все снова опять такого же как я, произносящего те же самые банальности»⁶³.

И опять: а как же? Зачем же ссылаться на вопрос в Дельфах? И осеняет: ведь и там — не оракул говорит «познай!», это ты говоришь, и он возвращает тебе твое убеждение напоминанием: «Ты говоришь!»

«Те, — продолжает Библихин, — кто приглашает узнать больше о человеке, просят: пожалуйста, изучите немножко *homo sapiens*, какое это замечательное существо, какие у него неизведанные возможности, как оно приспосабливается, как оно способно провести несколько недель в океане, подняться на Эверест, и чего только оно не способно, и как много у него миллиардов нервных клеток, — но нам скучно узнавать о человеке, заниматься антропологией»⁶⁴.

Я это почти всякий раз студентам на лекциях повторяю, как трудно и скучно нам изучать самих себя, даже не свою, чужую «Исповедь» Августина мы не прочитываем или прочитываем по верхам. Я тогда не читала этого у Библихина, и вот прочла как нечто «новое свое»: «Человек не найдет себя в самопознании. Предчувствие правды подсказывает нам, что мы скорее найдем себя, если бросим себя, например, на какое-нибудь дело, “биополитическое”, или проще на уход за старыми брошенными больными и детьми. Рядом с таким прямым делом человечности блекнут исследовательские задачи даже человековедения, тем более кустарного самоанализа. Без рассуждений бросить себя на что-то такое, что безусловно право. Это стремление к правому делу настолько сильно, что ради него человек ищет, во что себя вложить, и обмануть его нетрудно, он сам обманываться рад. Он настолько заинтересован в том чтобы было правое и нужное дело, что сердится когда его разочаровывают, когда его право “дело” анализируют, показывая ему, что в него нельзя безусловно себя бросить. Ради возможности бросить себя на правое дело человек без большого сожаления отбросит как старый хлам и “самоанализ” и “самопознание” и “развитие личности”»⁶⁵.

Реально он это ответил мне, моему удивлению, что никто не хотел слушать мои рассказы о том, как нас выгоняли из академических институтов; люди хотели заняться своим правым делом. Реально же показав действенность диалога, который считал делом

---

⁶³ Там же.

⁶⁴ Библихин В. В. Язык философии.

⁶⁵ Там же.

обычным, отмечая трудное монологическое усилие. Этим правым делом стало *его* дело, не случайно, так много сейчас стало появляться «бибихинцев».

«Мы так устроены, что находим себя, когда бросаем себя на что-то. Или даже просто бросаем себя. Выражение “лишний человек” относилось не только к неслужащим дворянам в 40-е и 50-е годы прошлого (XIX. — С. Н.) века в России, мы все лишние люди, каждый человек по своему существу лишний, если верно, что он находит себя в возможности бросить себя на что-то. Без того, на что он может себя бросить, он нигде, неприкаян, что и значит лишний. Он него требуется решительный поступок: бросить себя»⁶⁶.

И вот он решился, бросил. И стал не лишним, а ненужным человеком, разбитым в хлам, превращенным в мусор. Этим сразу же решили воспользоваться власть предержащие, развязав войну и, повторю, вмешавшись в сам мировой порядок, не задумавшись, что ставят заново под вопрос все человечество.

Правда, Бибихин говорит, что человек должен решить себя как задачу, уравнение. Сам человек себе задание, как бы сырье, и если несвободен, то с самого начала как такое сырье он подключен, пристроен к чужому делу; но если свободен, т. е. не использован другими, он лишний, поэтому должен отдать себя заданию. Он ищет это призвание, в которое должен вложить себя; сам по себе он себе задача, неприкаянный лишний». Нет, я не хочу выполнять такое задание, а потому не хочу бросить себя, хотя прекрасно понимаю, что как подножная пыль, даже решившись не бросать себя, я не смогу ничего решить, ибо мир, любимый Бибихиным мир, перестал быть миром, превратившись в сплошное исчадие ада. Никакие ссылки на вставшую за станок Симону Вейл не помогут, ибо и станков уже нет: все решает искусственный интеллект, помещенный в тупые, неискусные, но хитрованные головы. И мать Тереза и ее монахини ходили к больным, нищим и наркоманам в прошлом XX в., с его последними усилиями неожиданно после холокоста-то и ГУЛАГа возникшему человеколюбию — научное слово «гуманизм» так испошлено теми грязными устами, искоренившему его, что оно стало невнятным: не фашизм ли это?

И действительно: не внять ли Гефтеру, знавшему, что у истории будет конец, а у личности нет. «Возможно, мы уже на пороге того, когда придется выбирать между личностью и историей. Дай нам бог выбрать в пользу личности!»⁶⁷ Не случайно же и Виноградов, Аверинцев, Библер, не исключая Бибихина, лично столкнулись на личностной проблеме.

Литература

1. Августин. О диалектике // Неретина С. С. Пауза созерцания. История: архаисты и новаторы. — М.: Голос, 2018. ПРИЛОЖЕНИЕ.

---

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Гефтер М. Я. Неостановленная революция 1917. Сто лет в ста фрагментах. — М.: Изд-во «Европа», 2017. URL: <https://predanie.ru/book/220781-1917-neostanovlennaya-revolyuciya-sto-let-v-sta-fragmentah/> (дата обращения 03.03.2022).

2. Аверинцев С. С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность». Два творческих принципа // Религия и литература. Ann Arbor, Michigan: Hermitage, 1981.
3. Библихин В. В. Узнай себя. URL: <https://predanie.ru/bibihin-vladimir-veniaminovich/uznay-sebya/chitat/> (дата обращения 11.04.2022).
4. Библихин В. В. Язык философии. — М., 1994. URL: <https://predanie.ru/bibihin-vladimir-veniaminovich/yazyk-filosofii/slushat/> (дата обращения 25.08.2021).
5. Библер В. С. О логической ответственности за понятие «Диалог культур» // Библер В. С. На гранях логики культуры. — М.: Русское феноменологическое общество, 1997.
6. Библер В. С. Что есть философия? // Библер В. С. На гранях логики культуры. — М.: Русское феноменологическое общество, 1997.
7. Борхес Х. Л. Пьер Менар, автор «Дон Кихота» // Борхес Хорхе Луис. Проза разных лет. — М.: Радуга, 1984.
8. Бозций. Против Евтихия и Нестория // Бозций. «Утешение философией» и другие трактаты. — М.: Наука, 1990.
9. Виноградов В. В. История слов: Ок. 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связ. / Рос. акад. наук. Отделение лит. и яз. Науч. совет "Рус. яз.". Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — М., 1999. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istorija-slov/> (дата обращения 01.10.2021).
10. Воскобойников О. С. Scientia naturalis и стили мышления в Западной Европе XII–XIII веков: тексты, образы, идеи: Дисс. на соиск. уч. степени доктора ист. наук. — М., 2018. — С. 132, 193. URL: https://igh.ru/system/dissertations/dissertation_pdfs/000/000/019/original/5f46e836737542544bccfc14d177cca89d5a276d.pdf?1524053608 (дата обращения 11.03.2022).
11. Гефтер М. Я. Неостановленная революция 1917. Сто лет в ста фрагментах. — М.: Изд-во «Европа», 2017. URL: <https://predanie.ru/book/220781-1917-neostanovlennaya-revoluciya-sto-let-v-sta-fragmentah/> (дата обращения 03.03.2022).
12. Гефтер М. Я. Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством. — М.: «Европа», 2015. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=240020&p=6> (дата обращения 17.03.2020).
13. Философские поколения / Сост. и отв. ред. Ю. В. Синеокая. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. — 1232 с.

Referenses

1. Augustinus Aurelius. “O dialektike” [On Dialectic], in: S. S. Neretina, *Pausa sozertsaniya. Historia: arkhaisty i novatory* [Pause of contemplation. History: archaists and innovators]. Moscow: Golos, 2018. Appendix. (In Russian.)
2. Averintsev S. S. “Grecheskaya “literatura” i blizhnevostochnaya “slovesnost”. Dva tvorcheskich printsipa” [Greek “literature” and Middle Eastern “literature”. Two creative principles], in: S. S. Averintsev, *Religia i literatura* [Religion and literature]. Ann Arbor, Michigan: Hermitage, 1981. (In Russian.)

3. Bibikhin V. V. *Iazyk filosofii* [Language of philosophy]. Moscow: Nauka, 1994. [<https://predanie.ru/bibihin-vladimir-veniaminovich/yazyk-filosofii/slushat/>, accessed on 25.08.2021]. (In Russian.)
4. Bibikhin V. V. *Uznay sebia* [Know yourself]. [<https://predanie.ru/bibihin-vladimir-veniaminovich/uznay-sebya/chitat/>, accessed on 11.04.2022]. (In Russian.)
5. Bibler V. S. “Chto iest’ filosofia?” [What is philosophy?], in: V. S. Bibler, *Na graniakh logiki kultury* [On the verge of the logic of culture]. Moscow: Russkoie fenomenologicheskoe obschestvo, 1997. (In Russian.)
6. Bibler V. S. “O logicheskoy otvetstvennosti za poniatie “Dialog kultur”” [On the logical responsibility for the concept of “Dialogue of cultures”], in: V. S. Bibler, *Na graniakh logiki kultury* [On the verge of the logic of culture], Moscow, Russkoie fenomenologicheskoe obschestvo, 1997. (In Russian.)
7. Boethius. “Protiv Evtikhiya i Nestoriya” [Against Eutyches and Nestorius], in: Boethius, *“Uteshenie filosofiey” i drugie traktaty* [“Consolation of Philosophy” and other treatises]. Moscow: Nauka, 1991. (In Russian.)
8. Borges J. L. “Pierre Menar, avtor “Don Kikhota”” [Pierre Menard, author of Don Quixote], in: J. L. Borges, *Proza raznykh let* [Prose of different years]. Moscow: Raduga, 1984. (In Russian.)
9. *Filosofskie pokoleniia* [Philosophical generations], Comp. and resp. ed. Iu. V. Sineokaia. Moscow: Akademicheskii proekt, 2022. 1232 p. (In Russian.)
10. Gefter M. Ya. *Neostanovlennaya revoliutsiya 1917. Sto let v sta fragmentakh* [The unstoppable revolution of 1917. A hundred years in a hundred fragments]. Moscow: “Europa”, 2017. [<https://predanie.ru/book/220781-1917-neostanovlennaya-revolyuuciya-sto-let-v-sta-fragmentah/>, accessed on 03.03.2022]. (In Russian.)
11. Gefter M. Ya. *Tretiego tysiacheletia ne budet. Russkaia istoriia igry s chelovechestvom* [There will be no third millennium. Russian history of the game with humanity]. Moscow: “Europa”, 2015. [<https://www.litmir.me/br/?b=240020&p=6>, accessed on 17.03.2020]. (In Russian.)
12. Vinogradov V. V. “Historia slov: okolo 1500 slov i vyrajheniy i bolee 5000 slov s nimi sviazannykh” [History of words: About 1500 words and expressions and more 5000 words connected with them], in: *Rossiyskaya academia nauk, Otdelenie literatury i iazyka, Naychnyi sovet “Russkiy iazyk”, Institut russkogo iazyka imeni V. V. Vinogradova* [Russian Academy of Sciences, Department of Literature and Language, Scientific Council “Russian Language”, Russian Language Institute named after V. V. Vinogradov]. Moscow, 1999. [<https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istorija-slov/>, accessed on 01.10.2021]. (In Russian.)
13. Voskoboinikov O. S. *Scientia naturalis i stili myshleniia v Zapadnoi Evrope XII–XIII vekov: teksty, obrazi, idei: dissertatciia na soiskaniie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk* [Scientia naturalis and thinking styles in Western Europe in the XII–XIII centuries: texts, images, ideas: Thesis for the degree of Doctor of Historical Sciences]. Moscow, 2018. Pp. 132, 193. [https://igh.ru/system/dissertations/dissertation_pdfs/000/000/019/original/5f46e836737542544bccfc14d177cca89d5a276d.pdf?1524053608, accessed on 11.03.2022]. (In Russian.)

Understanding of personality: Averintsev, Bybler, Gefter, Bibikhin

Neretina S. S.,
DPhi, Institute of Philosophy of Russian Academy of Science,
Chief Scientific Researcher, Professor, Chief-editor of journal "Vox",
abaelardus@mail.com

Abstract: The problem of personality in philosophy has been significant since the emergence of Christianity. In Soviet Russia, this problem has been actualized since the 2nd half of the twentieth century, since the Thaw, when the books of Russian religious philosophers became known. We were the original heirs of Christian ontology and ethics, which assumed that a personal appeal to God on You (Tu) testified to a change of places in the interior of being itself, which becomes intimate, close, because the infinite God, being in a person, makes him the same infinite person.

The Latin term "persona" is translated as "mask" (personality). V.V. Vinogradov in the "History of Words" says that the word "personality", associated with Latin and Greek meanings (persona, prosopon), was not used massively in the Old Russian language until the XVII century, and in the XVII and XVIII centuries it began to denote only the official position of a person. It is impossible to associate this meaning of the face with what was in antiquity and the Middle Ages. This is a homonym.

Reflecting on Greek literature, S. S. Averintsev wrote that the term "creativity" is poorly applicable to the Greek philosophers: "poiesis" is a matter understood as an invention. The Greeks invented an objectified type of communication-through-literature, i.e. dialogue, consciously separated from life communication. Dialogue as an invention revealed the fundamental undialogical nature of Greek literature, and Socrates is the ideal of a radically undialogical person who cannot be internally hurt by the word of the interlocutor. Therefore, for Averintsev, a personality is a mind free from a "dialogical situation", it is a mask, an individual understood as an eidos. It is the mask — "immobile-clear, fully revealed and appeared" — that is the semantic limit of a continuously emerging face. By opening the "mask", the Greeks emphasized the importance of individuality.

V. S. Bybler, criticizing Averintsev, argues that dialogue is not a construction, it is an internal dispute of the philosopher taking place in his own soul. He is in the thought itself, pushing its definitions to the limit and reaching the border of other possible definitions, concepts, understandings. According to Bybler, the thought itself is dialogical, communicating with itself within itself and forming a gap between itself and the other "I". At the same time, Bibler defines his philosophy as the philosophy of an eternally borderline culture. *Dialogue* is a tense collaboration between an *author* who worked in a past culture and a reader who lives in a modern culture. Personality for the Bibler is the ultimate embodiment of the individual — the reverse course of Averintsev.

M. Ya. Gefter and V. V. Bibikhin worked out this problem 20 years later. Gefter, based on the unmotivated appearance of *homo sapiens* and the unexplained appearance of speech, emphasized that speech destroyed the limit of understanding between people. This is also connected with his reliance on the concept of the World of Worlds and the definition of personality, which, in his opinion, is not a higher form built over the individual, but a later phenomenon that entered into a dispute with individuation. Personality is a *choice*, a form of overcoming oneself with access to others, a case.

Bibikhin, not agreeing with the theoretical positions of Averintsev and Bybler, turns out to be closer to Gefter. It does not proceed from the development of the individual or personality, having changed the aspect of reasoning. He posed the problem of the wholeness of a human (*homo*) who initially deals not with knowledge, but with being and non-being. Before knowledge there is affirmation and negation, which sound in speaking silence before any speech and push a person to act. A human (*homo*), i.e. not an individual or a person, begins with an act; he is, first of all, such an act. The difference between Bibikhin's approach, which is closely related to the ideas of hesychasm, from Averintsev and Bybler lies in his understanding of philosophy as timeless. For him, everything known is the World, not even modernity. Personal properties (*prosopon*) are possessed only by God, who is "personal" and "hypostatic", because He expresses energy. This problem of the action of the energetic Word is the most important witness of the world given through man and recognized through language. Language poses the problem of understanding, assuming an initial misunderstanding between people.

Keywords: Person, History, Culture, Literature, Wordness, Masque, Invention, Dialogue, Energy, Language.